

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 **Заключение счастья** : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-093371-6

Сергей Назаров, удранный из этого южного приморского города опальным, израненным дайвером, вернулся спустя десять лет капитаном полиции. Все здесь было знакомым, родным. Саша... Милая девочка, его единственная любовь. Какой же красавицей она стала! А у Саши случилась беда. Пропала ее мать. То, что дело дрянь и Алла Геннадьевна уже никогда в свой дом не вернется, капитан Назаров понял сразу. Все признаки об этом свидетельствовали: сумка, кошелек, телефон, очки, без которых, по словам дочери, она не выходила из дома, были на месте. Но самое главное, что произошло полицию, — видеокамеры, установленные в доме, были отключены, а записи стерт...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-093371-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все действия и герои в романе —
вымышленные, любое сходство
является совпадением.

Автор

ПРОЛОГ

Оранжевый свет настольной лампы, которую она включила в помощь верхнему освещению кабинета, не помогал. Он скорее отвлекал. Нацелившийся на документы, разложенные на ее рабочем столе, он напоминал ей огромный кружок прозрачного апельсина. Она бы с удовольствием сейчас слопала апельсин или даже два. А еще лучше — приготовила бы на гриле большущую отбивную с перцем чили, потом посыпала бы отбивную мелко покрошенными мятными листочками, налила в бокал красного вина, села бы к кухонному столу у окна. И медленно, с удовольствием, стала бы есть мясо, запивать его красным вином и смотреть на засыпанную снегом улицу.

Ум-мм, красота! Наслаждение! Вкусно есть и наблюдать тормозившую ближе к ночи городскую жизнь. Ей это жутко нравилось. С первого дня, как поселилась в этом доме, она сразу перетасила обеденный стол к подоконнику. С ее седьмого этажа прекрасно просматривался проспект аж до самого поворота на набережную, и даже крохотный кусочек моря был виден. Но это летним днем его можно было рассмотреть. Зимой, поздним вечером, оно только угадывалось. Но все равно было приятно думать, что черный глухой треугольник за самыми дальними сосновыми макушками — это море.

И оно не засыпает вместе с городом, оно так же, как и днем, ворочает ледяными волнами и тоже подглядывает за ней.

Н-да...

Надя сердито оттолкнула от себя бумаги. Надо было случиться этому именно в канун Нового года! Именно этому, именно в канун Нового года! Нарочно не придумаешь! Закон подлости! Она столько планов настроила! И за город собиралась к друзьям, и на горнолыжный курорт собиралась вырваться на пару дней, и даже размечталась до Испании и Мальдив, куда ее настойчиво зазывал недавно появившийся ухажер из этих, из богатеньких, как любила называть их Лялька — ее подруга.

И теперь ее планы летят ко всем чертям! Потому что какого-то паренька угораздило уйти из дома неделю назад и не вернуться. А через три дня после его ухода угораздило еще одного такого же уйти и не вернуться. Оба — самые обыкновенные, самые заурядные, не представлявшие интереса ни для одной криминальной структуры, не перебежавшие ни разу дорогу не то что авторитету, но даже на красный свет. Не имевшие ничего: ни состояния, ни замужних любовниц, ни обманутых женщин.

Как? Что? С чего начинать? Где искать мотив?

— Понимаешь, Надежда Иванна... — задумчиво погладил свою лысину два дня назад ее начальник Хмелев Андрей Иванович и глянул на нее с испугом. — Боюсь, это серия!

— С чего такой вывод, Андрей Иванович? Ребята перед праздником могли напиться и...

— И в море утопиться, еще скажи! — фыркнул Хмелев. — Порядочные парни, Надюша. Приличные, тихие, спокойные, законопослушные. Мне их матери весь порог слезами уже залили.

— А чего тогда пропали, раз такие порядочные? Чего в ночь из дома вышли? Куда пошли? Зачем?

Она покусала нижнюю губу, боясь, что задрожит сейчас от обиды на такой чудовищно несправедливый поворот судьбы. Не маленькая же, понимала, что дело Хмелев хочет поручить ей. И вкалывать ей теперь придется по двадцать четыре часа в сутки, и летят все ее планы к черту. Не будет поездки за город, горнолыжного курорта, и вылета за рубеж с богатеньким ухажером не будет тоже. Хорошо бы дома хоть какое-то торжество в Новый год организовать. Хоть какое-то крохотное застолье с шампанским, запеченной уткой и мандаринами. Но это если богатенький ухажер пожелает. Одной ей слушать куранты, есть утку и мандарины было неинтересно.

— Они могли просто уехать, — не хотела сдаваться Надя, пряча в стол сердитый взгляд от Хмелева.

— Без документов? Без денег? Нет, Наденька... — почти ласково возразил Хмелев. — Так не бывает. Тихие спокойные парни вышли на минутку из дома, накинув почти на голое тело куртку, сказали своим матерям, что будут скоро, и что? И пропали, как и не было их вовсе! Ни единого следа, ни единого!

— Вот именно, — буркнула она. Помолчала, подумав, потом спросила: — А с чего вдруг серия?

— Так мне кажется, — уклончиво ответил Хмелев.

— С чего вам так кажется, Андрей Иванович? — решила она проявить настойчивость.

— Ну, парни схожи по характеру, по образу жизни, опять же живут почти по соседству.

Хмелев назвал их адреса. Надя хотела было возразить, что соседство сомнительное. Дома, где проживали пропавшие парни, располагались на большом расстоянии друг от друга. Да, улица одна. Так эта улица весь их городок огибала по периметру,

и протяженность ее была о-го-го какой! С таким же успехом их соседями можно было считать полгорода!

Но возражать не стала. Внимательно слушала.

— Опрос соседей ничего не дал. Все в один голос твердят, что парни были приличными, не алкашами. Работали, родителей почитали. С соседями не собачились.

— Личная жизнь? Имелась у них какая-то личная жизнь?

— По утверждениям родителей, друзей и опять же соседей, на данный момент ребята были одинокими. Никаких серьезных отношений.

— А несерьезные? Они могли просто случайно кому-то перейти дорогу и...

— Сразу вдвоем они ее, что ли, переходили? С интервалом в три дня? — Морщинистое лицо Хмелева недоверчиво сморщилось. — Но... Всякое может быть, Надюша. Всякое. Тебе и карты в руки. Работай, милая!

И вот теперь она — милая или не очень из-за недобрых мыслей — сидела в десять вечера за столом в своем рабочем кабинете, лопатила груды протоколов допросов, лелеяла мечту о куске жареного мяса в крошках мятных листьев и мучилась оттого, что что-то упустила. Вот что-то терзало ее и мучило, какой-то намек брезжил где-то, а где точно — она не могла разобраться.

Лялька называла это приступом слабоумия. И обычно советовала «забить». Советовала приступить к работе, когда отпустит.

Надя повертела колпаком настольной лампы туда-сюда, в надежде что поможет. Яркий оранжевый круг пробежался по документам, выхватил авторучку с карандашом, потом споткнулся о рамку с фо-

тографией Нади с Лялькой и мамой, вернулся на исходную — к разбросанным по столу протоколам.

Не помогло! Не отпустило! Ни единого проблеска. Ничего, кроме противного беспокойства, что она что-то упустила. Что-то такое, что лежало на самом виду и было таким примитивным, что зудели ладони от желания это что-то схватить и потрогать.

Но не давалось...

Нет, надо ехать домой. Пожарить мяса, налить вина, сесть на любимое место лицом к окну. Может, и озарит.

Надя собрала документы в папку, заперла в сейфе, выключила настольную лампу. Собралась за пять минут и уже через полчаса входила в свою квартиру.

Маленькая, почти без мебели, но светлая и теплая. С крохотным балкончиком из комнаты и огромным окном в кухне. Ох, как она ее полюбила! Потому что была своя, потому что была первой, потому что тут ей никто не мешал. Не мешал ходить растрепанной и непричесанной. Не мешал думать, зевать с хрустом или петь, отчаянно фальшивя. Не мешал чертыхаться, когда обжигала руки о гриль, как сейчас.

Мясо получилось восхитительным. Мягким, сочным, пряным. Она отрезала крохотные кусочки, медленно пережевывала, запивала сухим красным вином, смотрела на снег, засыпающий город и тонущий где-то там, за соснами, в море, и все думала и думала, думала и думала.

И вдруг бац — щелкнуло! Отпустило, как сказала бы Лялька! Да, да, да! Вот оно — то, что дрейфовало на поверхности, но постоянно отплывало куда-то в сторону! Как же это она сразу-то...

Где-то у нее был тот самый номер телефона, где-то был. Она точно его записывала, как многие другие,

ТАЛИНА РОМАНОВА

казавшиеся ей важными, способными пригодиться потом.

— Алло! Добрый вечер! — вежливо поздоровалась Надя, когда ей ответили.

— Скорее доброй ночи, — недовольно буркнули на том конце провода. — Кто это?

— Простите, не представилась. Надежда Ивановна Головкова, следователь. Я веду дело о пропавших парнях, которые...

— А-а-а, вспомнил. — Голос мужчины стал чуть мягче. — Такая вы красивая, статная, черноглазая.

— Спасибо... — Надя вдруг скрестила пальчики на левой руке, трубку держала правой. — И еще раз извините за столь поздний звонок.

— Ничего-ничего. Что хотели-то, Надежда Ивановна?

— Я тут вдруг вспомнила, что вы говорили мне, что эти ребята, те, что пропали...

— Да понял я, — перебил ее мужчина. — И?

— Вы говорили, что они одно время занимались ремонтными работами какими-то. Так?

— Не какими-то, а отделочными работами. Но не вместе. Всяк по-своему. Один — это Валера Листов — одно время навязывал все мне плитку на пол положить. Я отказался. Сам мастак. Второй, Ванька, со штукатуркой приставал. Так я и сам могу штукатурить.

— Ага, хорошо, — она кивнула, будто собеседник ее мог видеть. — Скажите, а был кто-то, кто воспользовался их услугами? Кому-то они ремонт делали?

— Конечно. Многим. Но это когда было!

— Когда?

— Давно.

— А точнее?

— Год, а то и больше. Они ведь потом уж где только не работали оба. Валера в автосервис подался, да так там и застрял. Говорил, что неплохо там прилипает. Второй... Вот точно не скажу, но будто в охране работал и еще где-то. Нечасто пересекались. А что? Вы чего про ремонт-то вспомнили? Что-нибудь узнали, да?

— Да нет, пока ничего. Но спасибо вам. И еще раз извините за поздний звонок. Всего хорошего... Да, кстати, поздравляю вас с наступающими...

Вот почему-то застряло в мыслях, и все! В этом месте надо рыть, сверлило в голове. Пусть год назад, пусть чуть больше, но парни оказывали услуги ремонтников. Ходили по домам. Что-то делали. Кому нравилось, кому нет.

Кому нет? По каким домам ходили? Какие отношения сохранились с недовольными? Или, наоборот, с теми, кто остался чрезвычайно доволен их работой? К кому они могли податься поздним вечером без денег и документов, накинув куртку почти на голые плечи?

Это где-то рядом. Совсем рядом. Где-то там, где бы им открыли и впустили в дом. А что, если они встретились оба в этом самом гостеприимном доме? Один пришел раньше, второй через три дня, встреча оказалась неожиданной, переросла в ссору, и... и могло случиться все, что угодно! Один из них погиб, второй подался в бега.

И еще было кое-что, о чем она думала сегодня с утра. Просмотрев сводки о происшествиях тех дней, когда пропали парни, она обнаружила кое-что странное. И это тоже не давало ей покоя. И она даже номер телефона нацарапала карандашом на задней крышке папки, чтобы не забыть позвонить.

Но это было второстепенным вопросом. Первый и важный — это вопрос о ремонтных услугах, кото-

рые оказывали ребята. Здесь что-то крылось, точно здесь.

Так ей казалось, когда она укладывалась спать. Когда наутро проснулась, разбуженная будильником, версия чуть поблекла и не казалась такой уж вразумительной. И Хмелев наверняка презрительно фыркнет, когда она ему расскажет. И снова спросит:

— Побежал? Без денег и документов?

Перспект был перекрыт, ждали кого-то важно-го. И пришлось ехать в объезд. По набережной. Она любила эту дорогу, но не зимой. Зимой там ездить было практически невозможно. Сердито ворочавшее ледяными волнами зимнее море регулярно вывешивало над дорогой плотную пелену тумана. Ближе к полудню туман опускался на дорогу карамельной коркой, превращая дорогу в каток. А у нее зимней резине третий год, и с тормозами с утра что-то неладное.

Ничего, она потихоньку. Как-нибудь доедет, поделится своими соображениями с руководством. Дождется одобрения и начнет копать совершенно в другом направлении. А то что же это получается? Парни ни с кем, нигде не были замечены в отношениях, а умчались из дома почти голышом. И не общались они никогда, и даже знакомы не были, и ничто их будто бы не связывало, а оказалось, что есть связь. Есть!

Ей оставалось пройти последний поворот, самый противный, и она сбавила скорость, чтобы ловчее вписаться. И даже попыталась притормозить. Но тормозная педаль вдруг провалилась в пол, а машина продолжила ехать. И руль вдруг перестал слушаться. И во рту неожиданно пересохло, а в животе сделалось пугающе пусто и холодно от странного ощущения, что это как-то неправильно все. Так не

• *ЗАКЛЯТИЕ СЧАСТЬЯ* •

должно быть! Она не может сейчас выскочить на встречу, не должна! Скоро Новый год! Она же собиралась его отпраздновать, пусть и дома, с шампанским, запеченной уткой и мандаринами. И богатенький ухажер, взявшийся непонятно откуда, пусть поприсутствует. Все лучше, чем одной.

Она не может сейчас, как последняя идиотка, просто бездарно погибнуть под колесами громадной фуры, мчавшейся прямо на нее! Прямо в канун любимого праздника! Нет!!! Нет...

ШАБА 1

— По-твоему выходит, настоящие мужчины это те, кто носит свитера грубой вязки, по три дня не бреются, говорят грубым простуженным голосом и...

Мать поймала ее насмешливый взгляд. Тут же поняла, что только что описала свою первую любовь, сгинувшую где-то на далеких северах, и умолкла. Правда, ненадолго. Минут через двадцать, вымесив тесто на сырники, она накатала из него аккуратных шариков, чуть приплюснув, покидала их в горячее масло на сковороду и зашла с другого бока.

— Думаешь, есть среди этого племени хоть один достойный и нормальный? — спросила она ее с печалью. — Все сплошь эгоисты! Все! Возьми хоть самого первого из них, прародителя. Что он сделал?

— Что? — спросила она, потому что должна была спросить. Мать станет без конца вопрошать, если она не отзовется.

— Он, в угоду своему эгоизму, просто потому, что ему сделалось скучно, — она воздела к потолку руки, выпачканные мукой, — расстался с частью своего тела! Он отдал ребро только потому, что ему стало скучно!

— Оказывается, они способны чем-то жертвовать, — отозвалась она из жалости к матери, а то подумает, что она ее вовсе не слушает. — Уже плюс.

— Ой, да какой там плюс! — фыркнула мать и отряхнула руки, мука взметнулась облачком и приземлилась возле ее лохматых тапок. — Это было сделано в угоду себе, дорогая моя! Чтобы не скучать! И поэтому...

Мать внезапно умолкла, что-то рассматривая через кухонное окно на улице. Но тут же снова глянула на дочь, свернувшуюся калачиком на уютном диванчике, задвинутом в самый дальний угол в их огромной кухне-столовой.

— И поэтому твоего идеала мужчины не существует, понимаешь? — Мать перевернула зарумянившиеся сырники. — Его просто нет! Нет ни на суше, ни на море!

Это она теперь вспомнила уже первую любовь дочери, случившуюся у нее в подростковом возрасте и наделавшую в их семье много неприятностей.

Возлюбленным дочери оказался тренер по дайвингу. Единственный тренер единственного в их городе клуба подводного плавания. Дайвер был загорелым, мускулистым, белозубым, невероятно симпатичным и отчаянно бесшабашным. Ей тогда едва исполнилось пятнадцать лет, она усердно училась, занималась спортом, посещала репетиторов сразу по нескольким предметам. И считала, что так и должно быть, что это правильно. А когда ее тренер с белозубой улыбкой спросил, зачем ей все это, она не нашлась что ответить. Потом ответ нашелся, конечно. Она сказала часа через два, вынырнув на поверхность бассейна, где проводились предварительные тренировки, что все это ей нужно для общего развития. И он снова ее удивил. Он шлепнул ее легонько по попе и рассмеялся со словами, что с ней и так все в норме, она и так шикарно развита.